

Максакова Мария

Людмила Максакова: НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСИ

Дмитрий МИНЧЕНОК

Обычно красивым женщинам, талантливым актрисам посвящают стихи. Мне кажется, Людмиле Максаковой надо посвящать сказки. Самую страшную я услышал про то, что она лет до 26 не знала, кто ее отец. Люди говорили, что Сталин, просили сравнить носы... Когда я однажды рассказал об этом Людмиле Васильевне, она молниеносно парировала: что, нос рябой?

О том, что ее папа – певец Большого театра Александр Волков, узнала неожиданно в самолете, летя в Марокко. «Аэрофлот» хороший сейф для семейных тайн. Пользуйтесь кодом: совершенно секретно. Ее лицо, раз увидев, невозможно забыть. Всплывает в памяти, как кадр из какого-то фильма, названия которого не помнишь – красивое лицо, тонкое и надменное, почти маска. Как-то режиссер Сергей Соловьев сказал про нее: «Люда, вы похожи на всех вдовствующих королей...». Свою юность она провела в Центральной музыкальной школе, где ее обучали игре на виолончели или на чем-то столь же длинном и струнном. Мама ее никогда никуда не отпускала – и выйди Людмила на улицу, могла бы заблудиться – до определенного возраста – в соседнем дворе. Возможно, это подспудное ощущение белой вороны создало в ней что-то независимое, что-то на редкость приятное и завораживающее.

Самое удивительное, что она никогда не выходила из моды. Она была и есть актрисой для модников и снобов, хотя сама, на мой взгляд, абсолютно равнодушна к популярности. Ее невозможно пригласить или завлечь на званые вечера – эти еженедельники светской жизни, куда стремление каждого попасть приобретает масштабы пограничной войны. Это свое равнодушие к подобным местам, которое немного отдает дорогой бронзой, она называет: «Я шоу-бизнесом не замарана».

И именно поэтому шоу-бизнес перед ней благоговеет.

Однажды я повстречал ее на Някрошосе – после спектакля она шла по коридору театра Моссовета, а навстречу ей Някрошос. Весь в себе. Замкнутый. Из холодильника – теплее. Но видно, что гений, и не потому что делает на сцене, а потому как изменяет вокруг себя пространство – рядом с ним не знаешь, о чем говорить – словно в фильме Тарковского. Она моментально преобразилась – стала детально огромной и прекрасной многофигурной композиции, что, собственно, и происходит в большинстве спектаклей Някрошоса с актерами – но при этом она могла приблизиться к абсолюту.

Максакова и Някрошос шли друг на друга. Казалось, коридор все удлиняется и удлиняется, как кроличья нора в известной сказке. И когда они, наконец, встретились, Людмила Васильевна спрашивает: «Мастер, скажите мне, в чем ваш секрет режиссера? А он отвечает: «Людмила, режиссура – это простая геометрия. Главное – правильно расставить силы».

И это соединилось в памяти Людмилы Васильевны с одной историей, которую, надо думать, она слышала от своей мамы. История про то, как давным-давно после спектакля в Театре Вахтангова к режиссеру Симонову пришел маршал Жуков, поздравить, и ска-

зал буквально следующее: «Молодец. Правильно расставил силы».

Там маршал, а тут Някрошос – и об одном и том же.

Что касается успеха, Максакова считает, что главное – прилежание. Это ключ к строчке в энциклопедии: «Выдающаяся актриса». Талант? – спросите вы. Это как вода в кране, она уже там должна быть. Но чтобы она потекла, надо кран отвернуть, а раньше водонапорную башню построить, а это уже достигается прилежанием.

Любовь здесь, наверное, ни при чем. Сама Людмила Васильевна считает, что место любви в жизни человека преувеличено. Поэтому с ней говорить о любви бесполезно, хотя бы потому, что ей поклонялись сотни самых выдающихся мужчин. Но когда всю любовь к страсти сводят – это неправильно. Именно поэтому Людмила считает, что сейчас все разучились любить, потому что, кроме любви как физического явления, есть еще что-то другое, духовное, гораздо выше.

Говорят, актрисы глупы, да она сама так считает, между тем вторую актрису с таким чувством юмора найти очень трудно.

– Я, глядя на вас, Пастернака вспомнил, – сказал я ей однажды.

– Что, так на мужчину похожа? – тут же парировала она. И зачем мне было после этого говорить про то, что я имел в виду атмосферу в ее доме.

Ее единственная претензия к драматургам только та, что так много гениальных пьес – и все на мужчин написаны. Один Гамлет чего стоит. У нее был хулиганский проект на двадцать минут – для театрального Центра на Страстном – «Маленькие трагедии» Пушкина. Не все, а только одна – «Каменный гость» – она его наизусть знает. «Ах, наконец, достигли мы ворот Мадрида...», – говорит Дон Гуан, обращаясь к Лепорелло. – Как думаешь, узнать меня нельзя?» – начинает Людмила Васильевна, а потом говорит: «Представляешь, это как надо было выглядеть, чтобы думать, что его нельзя узнать. Какой путь они проделали? А где они остановились, помнишь? Они упали на могильную плиту, под которой был похоронен командор. Как надо было устать, чтобы прилечь отдохнуть на могильной плите убитого тобой соперника! Не мудрено, что его нельзя было узнать. А дона Анна в этой трагедке должна была быть арапом».

После таких комментариев по-новому перечитываешь Пушкина.

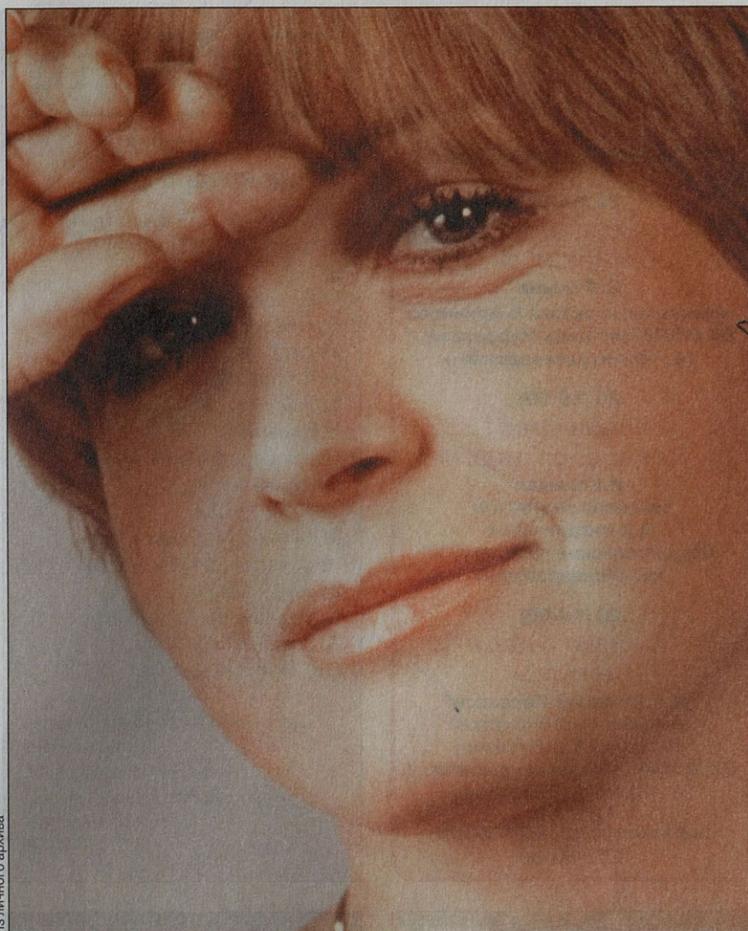
«Тройка, семерка, туз... – три карты» – масонские увлечения Пушкина – она очень хорошо это знает. Объясняет, что за этим стоит. Почему именно такие карты выбрал Пушкин. – «Тройка – дух. Семерка – семь дней творения. А туз – это единица – начало мира. Начало всего». – И тут же небрежно добавит: «Да что об этом говорить, это все знают». – Как будто не догадывается, что не все и не обязательно знают.

Ее отношение к жизни и коллегам, наделенным властью? Никогда ничего не проси, сами придут и сами все дадут. Время – это больше то, что будет завтра. Сейчас ничего нет. Что осталось из того, что было? Ничего. Что осталось от дачного детства? Деревни рядом с моими Снегирями больше нет. Она, как писал Абрамов, мертвая деревня. Никто больше уже не ходит с песнями, никого в армию всей деревней не прово-

жают. Появились заборы. Из старого поколения даже не знаю, кто остался. По-моему, только Карен Хачатурян живет и Дунаевский Максим. Никто уже давно друг к другу в гости не ходит.

Мне кажется, она никогда не была лирической героиней. Ее настоящее дарование в гротеске – не случайно она так любит Альмодовара. Ее склонность к гротеску – от Марианны Францевны – это невероятной французской бонны, учившей ее чуду жизни. «Она утром вставала, не обращая внимания на рабочих, которые во дворе пытались очередную какую-то неисправность ухушить или улучшить – и, обнажившись до пояса, умывалась. У нее было три волоса на голове, которые она складывала в такой малосенький узел, после чего погружала свои французские мощи в медный таз и бултыхалась там, делясь со мной своими рецептами красоты. Мне кажется, ими можно воспользоваться и сейчас, несмотря на такое количество салонов красоты. Эта незабвенная Марианна Францевна мочой протирала щеки, а зубы чистила только мылом. Никакого зубного порошка она не признавала и почему-то всегда ставила на ладони и на ноги йодовую сетку. Это из Парижа она привезла такие рецепты красоты, которым она неуносительно следовала. Потом надевалась шляпа, и заводился будильник. Будильник возвещал о том, сколько времени она со мной должна заниматься французским. После чего, как всегда, начинался променад – прогулка на рюйсо – ручеек, на котором квакали лягушки. В кошелек рядом с будильником засовывалась живая черепаха. За ними бежала собака – тойтерьер Тобик и иногда их пытался сопровождать петух, которого Тобик не выносил и потому все время норовил что-то вырвать из его хвоста. Дорога к ручейку сопровождалась батальей – Тобика с петухом, а Марианны Францевны с Тобиком, у которого она пыталась отбить остатки этого петуха. После этой батальи они доходили до ручейка, принимали там солнечные ванны, потом опять звонил будильник, возвещающий о конце занятий».

А начнешь ей рассказывать байки про нее саму, что она дочь Сталина, Людмила Васильевна смеется. – «Чем страшней режим, тем значительнее искусство, которое он порождает». При демократии читают мало, больше смотрят. «Рекламная пауза» заменяет том Толстого. Поэтому особенно важно, что показывают. Если вдруг на людей «чудовище» с плаката смотрит, о чем это говорит? Что у власти нет человеческого лица. На стене ее дома висит портрет Сахарова. – Когда это у вас сидел академик Сахаров? – спросил я. «Он не у меня сидел. Он в Горьком сидел». Ну как после этого в нее не влюбиться? Верит ли она в Бога? Думаю, что дело не в этом. Дело не в церкви. Церковные институты – это всего лишь организации, организующие веру в бога. А Бог – для нее другое. Ее любимая притча – про щеку. Из Евангелий. Но трактует ее она совсем по-особому. Не так, чтобы человека все били, а он подставлял щеку. Это знак того, что надо что-то изменить в самом себе. Если ты сла-

Из личного архива

бый, значит, пора стать сильным. А если ты сильный – пора проявить слабость. Надо уравновешивать свои достоинства недостатками, чтобы гармония была. Вот во что, как я думаю, Людмила Васильевна верит.

Андрей Вознесенский посвятил ей сборник «Дубовый лист виолончельный» 1975 года издания. Виолончельный потому, что в детстве – том самом, в капоре и длинном школьном платье – она училась играть на виолончели в ЦМШ и с испугу разговаривала на французском. Кажется, в этом сборнике есть стихотворение «Дочь Фараона» – намек на слухи о Сталине.

Вдохновенные стихи пишутся, когда поэт влюблен, а в нее были влюблены многие. Но безответно. Это поэтам скорее нужны женщины, чем женщинам – поэты. Актрисам нужны мужчины. Хотя женщины любят поэтов, особенно если они модные.

Ее самый последний гениальный проект, который не видела публика, – в спектакле Фоменко про монопьеесе Маркеса. Максакова играет ЖЕНЩИНУ. Если вы хотите разобраться в породе порока и добродетели – посмотрите его. Беда в том, что Фоменко этот спектакль никак не закончит. А вели-

кая актриса ждет. Никогда ни о чем не проси.

«На людях мы едва знакомы, но это тянется года, и под моим высотным домом проходит темная вода...». В этих стихах Вознесенского зашифровано ее имя. Найдите его.

На самые простые вопросы нет ответов.

(11/01/05 (1975))